



ГЛАВА 1

— Писатель часто рассеян в быту, он способен потерять телефон, забыть про назначенную встречу, но всегда хорошо помнит дорогу в бухгалтерию, где ему выдают гонорар.

Полная дама, которая только что произнесла эти слова, посмотрела на меня.

— Вы согласны с данным утверждением?

Я улыбнулась. Зачем Иван попросил меня сегодня приехать в издательство? Зарецкий ничего толком не объяснил, обронил лишь фразу:

— Надо побеседовать с Милой, у нее интересное предложение.

И теперь я сижу в парадном кабинете Зарецкого, мило улыбаюсь незнакомой женщине и не понимаю, о каком проекте идет речь. Но если Иван принимает посетительницу в комнате размером с аэродром, в которой стоит



чудовищно дорогая мебель, то она не самый близкий ему человек. Друзей владелец издательства «Элефант» приглашает в свою рабочую комнату. Там нет шикарных диванов, кресел, письменного стола, который водружен на ножки в виде лап медведя. Зато имеется шкаф, в котором прячутся разные бутылки, шоколадные конфеты...

— Вы хорошо поняли суть? — спросила посетительница.

Принято считать, что правда лучше лжи, но я в течение дня вру раз двадцать, а то и больше. Сейчас время приближается к полудню, а я уже успела по полной программе нахитрить. Спустилась утром на первый этаж, увидела консьержку и заявила:

— Фаина Герасимовна, доброе утро. Вы прекрасно выглядите.

А теперь давайте разберем сказанное. Сначала с точки зрения правдивости.

На дворе холодный март, вроде весна началась, но ветер дует сильнее, чем в феврале, льет ледяной дождь, небо затянуто тучами, сыро, неудобно. Сегодня у меня полным-полно дел, а день начался с мелких неприятностей.



Сначала у любимой сумки оторвалась ручка. Потом, собираясь в издательство, я уронила губную помаду, начала искать потерю и наступила на футляр. Крак! Во мне не тонна веса, но косметика погибла, я ее просто раздавила. Можно ли назвать сегодняшнее утро добрым? Вероятно, после обеда я найду на улице бриллиантовое кольцо, но пока дела идут не лучшим образом.

Вот вам первая ложь. Обратим внимание на вторую.

Нашей лифтерше не тридцать, не сорок и даже не шестьдесят лет. Ей бы спокойно проводить время дома, радоваться внукам, смотреть телевизор, пить чай с зефиром, а не сидеть в чужом подъезде. Но у Фаины сын, невестка, внуки. Родители строгие, детей не балуют, а бабуля их обожает, поэтому в своем преклонном возрасте работает, чтобы тайком совать ребятам конфеты. Выглядит старушка плохо, вот я ее и подбадриваю, лгу в глаза о том, как она чудесна. Но в случае с лифтершей вранье — из благих побуждений.

А вот Людмиле, так зовут полную даму, сейчас следует ответить честно.



Я помедлила секунду.

— Мне все ясно!

Гостья Ивана прищурилась и стала похожа на иллюстрацию к сказке «Колобок» — на ту, где изображена Лиса.

— Оцените мой проект!

— Чушь жуткая! — выпало из меня.

Вот, наконец-то, в кои-то веки проявила откровенность!

— Ваня! — возмутилась Людмила. — Ты слышал? Она меня оскорбила! Ухожу! А ты объясни ей, что предложение она не оценила по достоинству.

Выпалив фразу, госпожа Людмила Собкина убежала. И почему люди обижаются, когда им коротко, без долгих приседаний сообщают свое мнение?

И по какой причине посетительница обращается к Зарецкому «Ваня»?!. Называть так главного книгоиздателя страны позволительно лишь очень узкому кругу людей, и я всех их хорошо знаю. А вот Людмилу Николаевну Собкину сегодня вижу впервые.

— Тебе просто невразумительно объяснили суть идеи, — спокойноотреагировал Зарецкий, — давай обсудим ее еще раз.



И я опять не поверила своим ушам. У Ивана непростой характер, настроение колеблется, как у подростка, меняется мгновенно. Беседуете с Зарецким, он мил, спокоен, а потом — раз! И в комнате — некто злой до крайности, он не желает слушать вас, отмечает любое предложение. На меня Иван никогда не гневается, ведет себя, словно дедушка с любимой внучкой. Если я и впрямь совершаю нечто чрезвычайно глупое, то Иван только вздыхает и советует:

— В следующий раз не принимай решение самостоятельно, спроси у Степана совета. Если Дмитриев в командировке, набери мне. Ты не сирота, есть около тебя любящие умные люди.

Но надо отметить: неумение сопротивляться нападению раздражения у владельца издательства соседствует с отходчивостью и незлопамятностью.

Однажды Зарецкого в очередной раз при мне обуял гнев. Иван начал швыряться молниями в заведующего художественным отделом Антона, который не в добрый час принес боссу на утверждение обложку нового романа Яна Кранкина. Этот литератор любим читателями, но ленив, от него можно ждать одну любовную



историю в два-три года. А еще мужчина — мастер поскандалить, поэтому Зарецкий лично проверяет все, что связано с изданием новых произведений писателя, который входит в круг его ближайших друзей.

Антон положил на стол вариант обложки.

— «Правило бегемота». Это, значит, название, — отметил начальник. — М-м-м. А кто у нас прямо в центр помещен?

— Бегемот, что логично, — отрапортовал Антоша.

Я глянула на рисунок и втянула голову в плечи.

— А по-моему, слон! — объявил босс. — Хобот при нем.

— Там должен находиться бегемот, — удивился Антон.

Зарецкий оперся ладонями о стол, открыл рот...

Цитировать его речь сейчас не стану. Когда Антоша удрал, я поставила перед своим другом стакан воды и поинтересовалась:

— Зачем так гневаться по пустякам?

— Он припер обложку со слонем на книгу про бегемота, — зашипел Иван.



— Ошибку легко исправить, — улыбнулась я, — а твое давление сейчас взлетело под облака!

Зарецкий стукнул кулаком по столу.

— Приходится работать с идиотами! Выгодно дурака прямо сейчас!

Спустя пять минут волна злобы схлынула, Иван схватил телефон.

— Антон!

— Не надо его лишать работы, — попросила я.

Зарецкий отмахнулся от меня, как от мухи.

— Убери слона, нарисуй бегемота.

— Уже сделал! — завопила трубка. — Босс, не сердитесь! Приходится работать с идиотами! Недоглядел!

— Как я тебя понимаю, — засмеялся Зарецкий. — Забеги в свободную минутку — угощу лучшим арманьяком.

— Несусь! — обрадовался Тоша.

Мне оставалось только тихо посмеяться. Иван напоминает слона, который, впад в безудержную ярость, садился на того, кто, сам того не желая, доводил его до истерики, а потом начинал испытывать муки совести, оплачивал



роскошные похороны и шикарные поминки для погибшего.

Но Людмила Николаевна пришла с проектом, которому можно присудить золотую медаль в соревнованиях по глупости, а Зарецкий его одобрил, да еще пытается убедить меня принять участие в деле.

— Ты не поняла глубину идеи Милы, — завел Иван.

— Прекрасно поняла, что к чему, — возразила я. — Дама хочет заработать. Она владеет фитнес-клубом, заведение не пользуется популярностью...

— Потому что там стандартный набор услуг, — перебил Иван, — тренажеры, баня, СПА-салон.

— Что еще может иметься в фитнес-клубе? — удивилась я. — Вряд ли там уместен кружок кройки, шитья и вязания!

— Нет, — засмеялся Зарецкий. — А вот новое направление занятий очень даже кстати! Гениальная задумка. Большинство клиентов не любят напрягаться. Один раз позанимались, побегали, поприседали, наутро все тело болит. А ну его, этот фитнес. Мила придумала лежа-



чие занятия. Человек удобно устраивается на мягком ложе, звучит тихая музыка, тренер работает только с одним посетителем...

ГЛАВА 2

Понятное дело, я все рассказала мужу. Степан отложил вилку.

— Не понял! Посетитель спит?

— Вроде того, — кивнула я, накалывая на вилку кусок цветной капусты. — Тренер ему руки-ноги поднимает, сгибает-разгибает.

Муж рассмеялся.

— Бред.

— Зарецкий посчитал идею гениальной. Но самое интересное ты пока не услышал. К Людмиле ходит народ, кое-кто в восторге от лежачих занятий. Наверное, людям просто хочется отдохнуть, а у замужней женщины мало шансов поваляться у телевизора, придя домой после рабочего дня. У нее начинается вторая смена, домашняя: готовка еды, уроки с ребенком, уборка, стирка.

— Можно суету перенести на выходные, — возразил Степан, — а поесть в ресторане.

Я улыбнулась.



— Ты мне сейчас напомнил Марию-Антуанетту, королеву Франции. Она спросила: «Почему бунтует народ?» Ей ответили, что у людей нет хлеба. «Пусть едят пирожные», — посоветовала супруга Людовика Шестнадцатого. Мало кто в наши дни способен каждый день посещать рестораны, пусть даже с самыми демократичными ценами. И на фитнес не всегда силы найдутся. А вот лежачий вариант очень подходит. Отдохнула часок — и за домашнюю работу.

— И при чем здесь ты? — не понял Степан.

— Реклама спортивной одежды, — объяснила я. — Людмила сама ее разработала. Мне заплатят за то, что посплю в какой-то особой обуви и форме. Кроме того, Собкина расскажет о моей новой книге. Она очень активна в соцсетях, почти миллион подписчиков «ВКонтакте».

— Реклама — двигатель торговли, — засмеялся супруг.

— Вы Дмитриев? — раздался за моей спиной тихий детский голосок.

Я обернулась и увидела худенькую, если не сказать тощую, женщину в серой куртке.



— Да, — ответил Степан.

В ту же секунду незнакомка упала на колени и заплакала:

— Помогите!

В нашем любимом маленьком ресторанчике, который находится рядом с домом, как правило, мало посетителей, а сегодня мы с мужем оказались в зале вообще вдвоем. Но в ту минуту, когда тетушка рухнула на пол, из кухни вышла Нелли.

Заведение, где мы сейчас сидим, — семейное предприятие. Владелец Вадим готовит, а жена его, Нелли — многорукая богиня. Она официантка, бармен, уборщица, кондитер, а еще психотерапевт для постоянных посетителей. Она умеет держать язык за зубами, поэтому те, кто регулярно заглядывает сюда, порой плачут у женщины на груди. Несколько раз я, забежав перекусить, видела, как Нелли уводит в рабочее помещение кого-то всхлипывающего.

— Встаньте, пожалуйста, — попросил Степан и попытался поднять незнакомку.

— Поклянитесь, что поможете, — зашептала та, — пожалуйста.



— Нельзя бросаться подобными обещаниями, если понятия не имеешь, о чем тебя попросят, — неожиданно звонко произнесла Нелли.

Мы со Степаном быстро переглянулись. Похоже, нам в головы пришла одна мысль: Нелли Ефимова знает посетительницу. До сих пор она ни разу не вмешивалась в чужие дела и разговоры.

Женщина встала и прижала руки к груди.

— Меня посадили, а я ничего плохого не сделала.

Степан взял стул от соседнего столика, придвинул его к нашему и вежливо попросил:

— Присаживайтесь.

— Вы поможете, — сделала неправильный вывод незнакомка, опускаясь на сиденье.

— Пока ничего не могу обещать, — спокойно отозвался Степан. — Как вы узнали, где мы ужинаем?

— Шла за вами от того дома, где вы работаете, — всхлипнула странная посетительница.

Нелли подошла к незнакомке.

— Врать ты, мадам, горазда.

— Мы знакомы? — прошептала женщина.



— Валька Юркина, хорош комедию ломать, — велела Ефимова.

Потом она повернулась к нам.

— Перед вами первая жена Вадима. Милый, иди сюда!

Занавеска, которая отделяла зал от служебных помещений, чуть отодвинулась, и появился повар.

— Что не так? Здравсти, Вилка и Степан Валерьевич.

— Глянь, кто здесь, — велела жена.

Вадим начал озираться.

— Где?

— Ох уж эти мужики, — фыркнула Нелли. — Около Степана Валерьевича кто сидит?

— Вилка, — пробормотал повар.

— Слева!

— Женщина, — кивнул Вадим, — сразу не заметил.

— И почему меня это не удивляет? — закатила глаза супруга. — Глянь на нее внимательно.

— Валька, — попятился Ефимов, — ты откуда?

Женщина опустила голову и не ответила.



— Оттуда! — воскликнула вместо нее Нелли. — Зря прикатила. Тебе тут ничего не светит.

— А где Рома и Настенька? — прошептала посетительница. — Николай Петрович?

— Ха! Вспомнила! — развеселилась Нелли. — Старший Ефимов умер, Роман с дочкой уехали. Думаешь, приятно жить в апартаментах, где такое случилось?

— Какое? — быстро осведомилась я.

Вадим молча развернулся и ушел.

Валентина закрыла лицо ладонями.

— Что мне делать?

— Сваливать отсюда побыстрее, — живо посоветовала Нелли. — У нас места только для клиентов. Просто так в парке на скамейке сидят, а в кафе заказ делают.

— Можно чаю, горячего? — прошептала Валентина. — Продрогла до костей.

— Тебе нельзя, — отрезала Нелли.

Валентина вскочила и убежала.

— Кто она такая? — осведомился Степан.

— У Вадика есть брат Роман, — начала излагать историю Нелли, — разница в возрасте у них два года. Мы все местные, центровые —



раньше так называли тех, кто в центре Москвы родился и жил. Мы с Вадиком в одном классе учились, у нас с ним любовь была крепкая. Планировали получить нужное образование и пожениться. А потом Валентина в наш район переехала. У нее отец вроде военный, где-то служил, потом получил должность в столице, поселился тут. Рома женился на Лене, у них дочка родилась. А Валька прямо на шею Вадикку вешаться пыталась. Меня родители строго воспитали — до свадьбы никакой постели, вот поставят штамп в паспорте, тогда и развлекайся. Поэтому я Вадюшке разрешала себя только в щечку целовать. А Валентина его по полной обслужила. Смотрю, начал мой Вадик с Юркиной трали-вали. Мне, конечно, сразу нашептали, я у жениха спросила, правду ли про них с Валентиной болтают. Вадюшка признался: «Было один раз, бес попутал. Я только тебя люблю».

Нелли отвернулась к окну.

— Это мне потом жизнь копыта обточила, прощать научила, а тогда я была прямо железо несгибаемое. Выгнала Вадика. Не нужен парень, который налево сворачивает. Лена, су-



пруга Романа, уговаривала: «Неличка, прости Вадюшку. Ну, дурак он. Всего разок он с Валькой того самого. И у меня подозрение, что она какую-то дрянь в жратву ему подсыпала. Когда ты правду узнала, я поинтересовалась у брата мужа: «Неужели Валентина так уж в постели хороша? И характер у нее что, ангельский?» А он ответил: «Ничего про постель не скажу. Выпили мы, проснулись на одном матрасе. Но я люблю Нелли. Не пойму, как с Валькой под одеялом оказался».

Нелли нахмурилась.

— Потом Юркина объявила о своей беременности. Вадик как порядочный человек на ней женился. Я к метро начала кружным путем ходить — боялась на Ефимова наткнуться. Бог миловал, не встречались мы. Время шло, по нашим улицам слухи летали. Ребенок у Вальки не родился, выкидыш случился. Жила пара не очень хорошо. Один раз налетела в магазине на Зинаиду, мать Вадика и Ромы, она меня увидела, кинулась обнимать: «Деточка, как же ты Вадюшку упустила? Женился сын на обезьяне. Ленивая, ничего по дому делать не желает, на работу не устраивается, с Леной



вечно скандалит, на Николая Петровича огрызается. Не о такой невестке я мечтала. Капаю, капаю Ваде на мозг: “Гони стерву, женись на Нелли, она тебя ждет”. Но сын только зубами скрипит». Зинаида славилась тяжелым характером. Она меня не любила, пыталась от своего старшего сына отвадить. Да видно, Валька ей поперек горла совсем встала, вот я хорошей и показалась. Когда Вадя женился, я училась в кулинарном техникуме, потом оттачивала мастерство кондитера в одной из лучших кулинарных школ Москвы. Большие деньги отдала. И только получив все дипломы, сняла кухню и начала печь пирожные, торты на заказ, набрала клиентов. Вадик, кстати, тоже шикарный кулинар, но ему больше нравится работать с супами, мясом, салатами. Кондитерка — не его радость. Но если надо, сделает любой тортик отлично. Ну, значит, живет Вадик с Валькой, а я одна, потому что Ефимова люблю, хорошо зарабатываю. И узнаю новость: Валентина тоже в кондитеры подалась, дома работает. Вот никогда не покупайте то, что в квартире состряпано. Чаще всего там все санитарно-гигиенические нормы нарушены.



Валька их не соблюдала, похоже. Она сделала Зинаиде Яковлевне на день рождения торт.

Нелли перевела дух и заговорила тише:

— Никого не осуждаю, просто правду рассказываю. Мать Вадика и Ленка, жена Ромы — вот они обе не были худенькие, а совсем даже наоборот. А уж сладкое и выпечку как любили! Всегда готовы были полакомиться. У Зинаиды, значит, день рождения, семья его отмечала в ресторанчике, который потом Вадик купил. Вот в этом, где мы сейчас находимся. Только в тот год Вадюша там просто у плиты стоял за зарплату, а я работала официанткой. Тяжело мне с ним было в одном заведении крутиться, но место кондитера только здесь нашлось. Погуляли Ефимовы в ресторанчике, домой ушли. Все хорошо. Правда, небольшая фигня вышла. Пришли в ресторан Лизка Бирюкова и Тамарка Коркина. Обе — подруги Лены, когда-то в одном классе учились. Они тут неподалеку живут. Хотели пожрать, им объяснили: заведение закрыто для проведения мероприятия. Что непонятного? Так нет, начали права качать, в зал влезли — еле от нахалок избавились! А в остальном все чудесненько. Ушли



Ефимовы довольные, и мы тоже разбежались. Утром проснулась, выхожу на улицу, а у подъезда, где Юркины живут, «скорая» стоит, вокруг какие-то мужики толпятся, полицейские, врачи, санитары. У меня сердце екнуло. И что выяснилось?

ГЛАВА 3

Нелли опустилась на стул.

— Ночью умерли Лена и тетя Зина. Следствие установило, что их убили одинаково — угостили тортом со средством, которым крыс травят. Начали искать, кто же такое придумал, и поняли — Валентина. Не помню подробности, не знаю, как полицейским ясно стало, что жена старшего брата постаралась. Задержали бабу, а потом, после суда, отправили Вальку куда подальше. Родители ее квартиру вмиг по дешевке продали, поторопились уехать. Куда направились, не знаю, да и не интересно. Весь наш микрорайон на похороны пришел. Нельзя сказать, что тетю Зину прямо все очень любили, и к Ленусе тоже по-разному относились, но смерть все конфликты закрывает. Сначала в храме их отпели. Роман там сознание поте-



рял, упал во время панихиды. Потом в крематории Вадим ко мне подошел, зашептал: «Нелючка, прости, тебя одну люблю, Валька приговорот сделала». И Светка Кукушкина тут как тут, подпевает: «Точно, точно, Валька черные куриные перья на перекресток кидала. Видела своими глазами». Я по сторонам посмотрела, жалость в горло вцепилась. Вадик старается держаться. Роман на ногах не стоит, сидит в углу. Дядя Коля, отец их, сам как покойник. А Кукушкина разоряется во весь голос: «Тварь Вальку задержали, надо потребовать расстрелять ее». Никто порядок не наводит, а наша очередь на кремацию не подходит. Что делать? Подошла к Светке-крикунье, велела ей домой катиться. Роману капель принесла, дядю Колю водой напоила, организовала выступления людей, чтобы хорошее о покойных сказали. Если кто Валентину начинал упоминать, я его сразу затыкала. На поминках всех обошла, строго предупредила: «Кто имя убийцы помянет, вмиг огребет и вон отправится». На следующий день Рома и Вадим пришли, поблагодарили. Младший брат объявил: «Мы с Настей уедем в среду. Не хочу, чтобы девочке кто-нибудь про убийцу



матери сообщил. Она еще маленькая, ничего не понимает, но ведь подрастает. Навру дочке, что родительница от болезни умерла, и попытаюсь жизнь заново начать, подальше от столицы. Москва никогда не нравилась, суматошный город». Вадик мне предложение сделал. А я что? Я его как любила, так и люблю. Вот и вся история. У мужа квартира своя, хорошая, мы в ней живем. У меня от родителей трешка. Сдавали ее несколько лет, деньги копили, мечтали кафе открыть. И повезло — здесь, где мы сейчас сидим, сначала кафе работало — в нем Ефимова перед смертью день рождения справила, — потом хозяин его продал Ибрагиму. Тот шаурму вертел, да ему пришлось домой вернуться. Он нам по-соседски скидку сделал. Как раз собранных денег хватило. Так вот и стали владельцами ресторанчика. Все у нас с мужем отлично. И нате! Валька вернулась из заключения. И что теперь делать? Жилья у нее нет. Родители уехали. Вроде в Мурманск отправились. Юркина, считайте, бомж. Захочет у бывшего мужа часть квартиры потребовать! Зинаида Яковлевна умерла, когда Вадик еще с Валентиной жил, развод он оформил после



того, как супругу арестовали. Как нам себя вести?

— Живите, как жили, — ответил Степан. — Убийца не имеет права наследовать имущество того, кого лишил жизни. На квартиру, в которой обитаете, уголовница прав не имеет, на ваш ресторан тем более.

— Ну спасибо! — обрадовалась Нелли.

Мы попрощались с кондитершей, получили от нее в подарок коробку с эклерами и вышли на улицу.

— Давай погуляем, — предложил Степан, накидывая на голову капюшон, — посидим в парке, мороженое съедем.

И тут что есть силы дунул ледяной ветер. Я вцепилась в мужа.

— Слопать эскимо — замечательная идея, но лучше дома выпьем горячего чаю и съедем эклерчики.

— Спорить с женой разумно только в принципиальных вопросах, — засмеялся Степан, — во всех остальных лучше соглашаться.

Мы вошли в подъезд и увидели консержку.

— Фаина Герасимовна! — удивился муж. — Почему домой не идете?



— Плохо себя чувствуете? — насторожилась я.

— Нет, все нормально, — успокоила меня лифтерша. — Римма Михайловна попросила задержаться. Они с мужем в театр пошли, мне поручили с Клепой погулять, потом покормить собачку. Она такая милая. И денежка нужна.

— Клепа симпатичная, — согласился Степан.

Когда мы поднялись на свой этаж, мой нос ощутил запах совсем недорогих, но на редкость стойких духов «Ночной букет». Я пользуюсь парфюмом лишь в особых случаях и не люблю такие навязчивые ароматы, но с этим хорошо знакома — им пользуется Марина, главный бухгалтер благотворительного фонда помощи невинно осужденным, который создал Дмитриев. Я всегда знаю, что она заходила к Степану — запах в кабинете мужа висит долго, — но вряд ли на лестнице сейчас побывала главбух.

Я сделала шаг вперед, и тут раздалось тихое:

— Добрый вечер.

Муж быстро задвинул меня спиной в угол, встал впереди и громко спросил:

— Кто здесь?



Из другого, темного угла вышла знакомая фигура.

— Я.

— Еще раз здравствуйте, — пробормотала я. — Валентина, как вы попали в наш дом?

— Просто вошла, — прошептала женщина.

— Маленькое вранье губит хорошие отношения, — произнес Степан. — Вас впустила Фаина Герасимовна. Ведь так?

— Нет, — возразила Валентина, — в подъезде никого не было. Я знала, где вы живете, ждала на улице. Какой-то мужчина позвонил в домофон. Его впустили, я с ним вошла. Снаружи очень холодно. Продрогла. Пожалуйста, выслушайте меня.

— Уже знаем вашу историю, — ответил Степан.

Я стояла молча, слушала диалог.

— Поговорили с Нелли и Вадиком? — уточнила Валентина. — Вы выслушали одну сторону. Но надо же узнать, что сообщит вторая.

— Слово «надо» в данной ситуации неуместно, — отрезал Дмитриев, — оно произносится только в том случае, если мы беремся за дело.



— Когда-то и вас оклеветали, — вдруг воскликнула Валентина, — все поверили, что вы бандит, каких мало.

— Ладно, — неожиданно согласился мой муж, протягивая Юркиной визитку. — Завтра в девять утра приезжайте в офис.

— Спасибо! — обрадовалась Валентина. — Спасибо, спасибо, прямо спасибище!

Степан открыл дверь в квартиру, мы вошли внутрь.

— Смотрим на экран, — быстро произнес муж.

Я повернула голову к камере, которая показывает, что происходит на лестнице. Валентина сняла рюкзачок, вытащила из него тонкий плед, постелила около батареи, села, привалилась к стене.

— Она собралась спать на лестнице, — отметил Степан. — Похоже, ей такое не впервые.

Послышался знакомый звук.

— Лифт ожил, — улыбнулся муж. — Сейчас он затормозит на нашем этаже, увидим Фаину Герасимовну.

И точно. Консьержка подошла к Валентине.



— Ты как?

— Спасибо, тетя Фая, прекрасно, — улыбнулась Юркина. — Тепло здесь.

— Пошли ко мне, — предложила старушка.

— Лучше тут переночую. Я привыкла, здесь комфортно, — возразила Валентина.

— Глупости, — рассердилась лифтерша. — На полу жестко. И я тебя не домой зову. Оборудовала себе спальню в подвале. У меня там диван и раскладное кресло. Пошли, не кривляйся, мы ведь не чужие. Я же тебе родня по матери. Поднимайся. Зарплату сегодня дали, решила себя побаловать, купила вафли «Лесная быль». Взяла по скидке, три четверти от цены срезали. Срок годности у вафелек прошел, чуть подсохли. Не побрезгуешь?

— Такие еще больше люблю, — повеселела Валя, вставая. — Чаю выпью, если есть.

— Как не быть, — обрадовалась Фаина. — Пошли, роднулечка. О моей квартирке внизу никто не знает. Можешь там пожить, пока правда не всплывет.

— Надежда на это почти растаяла, — призналась Юркина, аккуратно складывая плед.



— Всегда следует надеяться на лучшее. Зина была плохим, злым человеком, — нахмурилась Фаина Вольская.

— Я с ней не ругалась, — пожала плечами женщина. — Мы с Вадимом нормально жили. На зоне много времени имелось для размышлений. Скорее всего, свекровь отравил кто-то из тех, кто ее услугами пользовался.

Консьержка ткнула пальцем в кнопку вызова лифта.

— Ты в отца пошла, тот тоже блаженный. Вечно пострадать рад. По мне, так если есть хоть маленькая зацепочка, чтобы свою невиноватость доказать, то ее необходимо использовать.

— Именно это и пытаюсь сделать. Но для достижения цели не все средства хороши.

ГЛАВА 4

— Пошли в подвал? — предложил Степан. — Посмотрим, как там устроилась Фаина Герасимовна.

— Переменил свое мнение о Валентине? — уточнила я, когда мы вошли в лифт.



— Ранее не имел его, — объяснил муж, — просто наблюдал, как она реагирует на то, что ей отказывают. И постепенно начал складываться ее психологический портрет. Стало ясно: женщина умеет держать удар. Не отвечает хамством на плохое отношение к себе. Если ее обидели, не оттопыривает губу, не плачет, не канючит, не жалуется на жизнь. Смиренно переносит бытовые неудобства. Радует, что с помощью пледа может сидеть на лестничной клетке, на полу. Не клянчит еду, хотя, скорее всего, голодная. Знает некую, похоже, негативную информацию о покойной свекрови, но не хочет ее сообщать.

Мы вышли из подъемника, начали спускаться по лестнице, которая ведет в подвал.

Некоторое время назад мы с мужем переехали в квартиру, которая расположена в так называемом «сталинском» доме. Нам удалось совершить выгодный обмен. Пожилая пара, которая владела апартаментами, хотела гулять в парке, дышать свежим воздухом, а жизнь в центре для них дорогая. Мы доплатили пенсионерам хорошую сумму, перебрались в другой дом и узнали, что нам еще принадлежит



кладовка на минус первом этаже. Здание возводилось в пятидесятые годы прошлого века, СССР тогда всерьез готовился к атомной войне. Поэтому во всех тогдашних постройках до сих пор имеются убежища.

Мы прошли по широкому проходу, увидели дверь, из-под которой пробивался луч света. Степан дернул за ручку, створка открылась.

Перед нами предстало небольшое помещение без окна. У одной стены притулился диван, накрытый пледом, у другой стояли стол и стул, впритык к третьей громоздилось кресло. В углу белел холодильник «Морозко». Возле него стояла этажерка с какими-то пакетами, СВЧ-печкой, чайником. На всех стенах висели ковры, на полу тоже лежал один. Вещи, которые находились в подвале, были не новые, но чистые. Комнатка походила на юрту, в ней оказалось тепло, тихо и уютно.

— Ой! — испугалась Фаина, которая сидела в кресле. — Как вы нас нашли?

— Спустились по лестнице, — спокойно объяснил Степан.

Консьержка умоляюще сложила руки.



— Пожалуйста, умоляю, не выдавайте меня! Когда ухожу на работу, всегда вынимаю из розеток все электроприборы. Дома жить не могу — сын меня выгнал. Вилка, садитесь на диван.

Я молча устроилась на софе.

— Не выдавайте меня, — твердила Фаина. Валентина сидела молча.

— Вафли «Лесная быль», — потер руки Степан, — люблю их с детства. Чайком угостите?

— Конечно, — кивнула лифтерша.

— У вас здесь уютно, — продолжил мой муж, — но дома, в своей квартире, лучше. Почему не сказали мне, что у вас с сыном разлад?

— Ну... — забормотала Фаина, — ну... вот... Господь терпел и нам велел. Смиряться следует.

— Разберусь, — коротко пообещал Степан. — Смирение — хорошая штука. Но хамам и грубиянам оно тоже необходимо. Вы родственницы?

Валентина молча кивнула, Фаина Герасимовна пустилась в объяснения:

— У моего мужа была двоюродная сестра, Екатерина Андреевна. Неподалеку от дома, где



мы с вами сейчас сидим, храм стоит. Он даже при советской власти не закрывался. Супруг мой там — церковный староста, Катя на клиросе читала, я в хоре пела. Супруг Катюни — диакон. Долго им Господь детей не посылал, а потом, когда Катерине за сорок перевалило, Валя родилась. Чудо прямо! Хорошая девочка получилась. Родители мечтали, что она женой священника станет, отправили учиться в медучилище. Очень хорошо для батюшки, если матушка у него регент, учительница, медсестра. Да получилось иначе. Я во всем виновата.

— Тетя Фая, не бери на себя чужой крест, — тихо произнесла Валентина, потом исподлобья посмотрела на меня. — Разрешите, расскажу, как дело обстояло?

— Начинайте, — ответил за меня Степан.

Валентина обхватила ладонями чашку.

— Мама моя окончила семь классов, работала почтальоном, убирала чужие квартиры. Я ей помогала. Мы раз в неделю ходили к Ефимовым. Зинаида Яковлевна в универмаге главным бухгалтером служила. Николай Петрович заведовал автобазой. Два сына у них, Роман и Вадим. Церковь никто из них не посещал,



в квартире ни одной иконы, никаких книг православных. Зато аж два телевизора. Ну, совсем мы разные. Зинаида была главной в доме.

— Атаман прямо, — добавила Фаина, — все должно идти, как она решила. Муж права голоса не имел, сыновья тем более. Гостей она не звала, только нас с Валей. Нас она выделила потому, что в церковь ходим.

— Сама без креста ходила, но понимала: воровать и сплетничать не станем, — добавила Валя. — Потом тетя Фая заболела, в больницу попала. Одна я стала убирать апартаменты. Зинаиде вся лестничная клетка принадлежала, три квартиры были оформлены, одна на нее, две на сыновей. В одиночку быстро такие хоромы не убрать. Задерживаться начала. В первую очередь приводила в порядок ту, где жили Зина с Николаем, потом жилище Романа и Лены. Трешка Вадима была последней. Понравился мне парень, а про то, что он с Нелли связан, не знала. Я про девушку даже не слышала, иначе сразу бы от Ефимовых ушла. Если мужчина занят, аморально с ним кокетничать. Но Вадик вел себя как свободный человек, комплименты делал, конфеты дарил. Я была